

КОЭФФИЦИЕНТ ПОЛЕЗНОГО ДЕЙСТВИЯ

ТЕАТР

Нынешняя театральная осень не богата премьерами — московские театры словно забыли хорошую традицию — открывать сезон новыми спектаклями. Правда, к Октябрьским праздникам МХАТ показал «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова и «Платон Кречет» А. Корнейчука, а Малый театр — пьесу Дж. Стейнбека «Луна взошла», но это случилось только что, а к началу сезона «Душа солдата» Е. Шатуновского в постановке не знакомого москвичам режиссера И. Шойхета была одной из немногих премьер. По-видимому, ставя эту «комедию с музыкой и танцами», Центральный театр Советской Армии хотел продолжить линию музыкального спектакля. Надо думать, что привлекла пьеса и тем, что в ней действуют военные люди: сержанты, офицеры, даже генерал. Однако произвольная смесь из героических поступков, маскарадной путаницы, трогательной любви сержанта и генеральской дочки, пошлых ухищрений некоего альфонса и плоских каламбуров, одобренная давно перепетой музыкой и не слишком профессиональными плясками — вся эта смесь не доставила радости. В огромном зрительном зале была вежливая тишина, изредка нарушаемая недружным смехом...

Обидно, что вечер потерял. Потерю эту, наверное, особенно остро ощутили заполнившие ряды амфи-театра солдаты и сержанты, которым уж не так часто удается побывать на спектакле. Обидно за актеров, оказавшихся в положении затейников, жаль времени и средств, потраченных на слишком уж незначительное зрелище. А ведь «Душа солдата» пойдет еще не раз, и в репертуарной сводке будет значиться еще один спектакль «на современную тему».

В «Душе солдата» нет ничего идейно чуждого, допустим даже, что эстетически неподготовленные зрители получат в театре некоторое удовольствие. Но подумаем, однако, вот о чем: каков коэффициент полезного действия этого спектакля? И не только этого.

КПД — это техническое понятие, выражаемое в процентах, и, казалось бы, оно совсем не подходит, когда речь идет об искусстве. Нет прямой зависимости между количеством труда художника и художественным результатом, невозможно вычислить энергию таланта, силу впечатления, радость зрителей. Верно сказал Шолохов: цифры в искусстве — вещь лукавая...

Однако и искусство имеет объективную меру ценности. Мы знаем книги, которые прочно остались в сознании поколений, и книги-однодневки: прочитал и забыл. В нашем театре есть спектакли, заново открывающие жизнь, блистающие талантом и мастерством — они рождают напряженную мысль, обогащают душевный мир человека, доставляют наслаждение. А есть — бледная иллюстрация уже известного, многозначительные банальности и пустяки. Понятно, что у тех и других спектаклей энергетический потенциал различен. А если книга, фильм или спектакль основаны на ложной идее, если они идут вразрез с правдой народной жизни, то энергия таких произведений выражается в величинах резко отрицательных. Вот почему надо задуматься о мере реального, а не мнимого воздействия искусства на людей.

Мы хорошо знаем, какое искусство нам нужно, об этом точно сказано в партийной программе: правдивое, высокохудожественное, отражающее богатство и многообразие социалистической действительности, утверждающее подлинно коммунистическое в жизни и обликающее все то, что противодействует движению общества вперед. Но мы далеко не всегда руководствуемся этими требованиями в их неразрывном единстве, а порой забываем, что у искусства свои способности и средства выражения идеи.

Искусство в нашей стране призвано активно участвовать в формировании нового человека. Это призвание ставит его в ряд со всеми иными средствами коммунистического преобразования действительности. Но искусство всемерно лишь тогда, когда оно доставляет радость и наслаждение.

А как же иначе? Ведь если в кино или театре человек не испытывает сильных эмоциональных впечатлений — горя или радости счастья первооткрывателя и познания, то самые верные слова героев не достигают цели и произведение не оставляет в сознании следа.

Все мы уверены, что Малый театр не пожалел сил, готовясь к XXII съезду партии и, наверное, рассчитывал, что съездовские премьеры — «Весенний гром» Д. Зорина и «Честность» А. Софронова надолго сохранятся в репертуаре. Но обе пьесы ставились редко, ныне уже исчезли с московской афиши и не занимают сколько-нибудь заметного места во всеобщем репертуаре, хотя оба эти драматурга достаточно известны.

Интерес, увлеченность зрителей — вот критерий, который часто не принимается в расчет. А между тем он решающий. И не только для кассы, но при оценке искусства как идеологического фактора, формирующего сознание, как источника эстетической радости и духовного обогащения человека. Вот что думает по этому поводу учительница Л. Ковалева, поделившаяся своими мыслями с читателями «Юности»: «Хорошая книга — это прежде всего источник наслаждения. И учит она хорошему независимо от того, намерен читатель извлекать из нее пользу или не намерен. Я бы сказала, что здесь обратная зависимость: хорошая книга, доставляющая наслаждение, учит и облагораживает человека незаметно для него самого».

Хорошо, если бы наши ученые-эстетики научились писать так просто и содержательно: ведь в суждении учительницы раскрывается закон восприятия искусства, утверждаются единственно верные отношения художника и читателя. Беда многих наших книг, спектаклей и фильмов как раз в том, что они берут на себя только учительские функции, словно бы отменяя такую силу искусства, как эмоциональное воздействие.

Настоящий, неиссякаемый источник радости в искусстве, источник, формирующий силы искусства, — правда. Правда в изображении больших, волнующих всех явлений жизни, правда передовой идеи, правда человеческого характера. Если она есть — отпадает надобность искусственно потешать или натужно вызывать слезы. Зрителю интересна сама эта правда, и он с готовностью подчинится ей.

В конце прошлого сезона театр имени Моссовета показал пьесу «Совесть» (инсценировка романа Д. Павловой) в постановке Ю. Завадского и А. Шапса. Казалось бы, на редкость невыгодный, неслучайный «материал» — сплошные заседания: партийного комитета, бюро райкома, технического совета. А смотреть спектакль — интересно. Он пробуждает ту душевную активность зрителей, которая и составляет самое дорогое в восприятии искусства. Происходит это оттого, что борьба за правду, которую ведут Мартынов (Г. Некрасов), Сартанов (К. Михайлов), Валя (И. Саввина) — лично, кровно волнует каждого из нас. Еще бы! Мы же помним то время, когда правдивое, но кому-то не удобное слово тайло вполне реальную опасность для человека. Мы знаем, что и сейчас иные люди предпочитают видимость благополучия трудной, простой, жестокой правде. Вот почему бой Мартынова с секретарем райкома Якимовым (Г. Слабняк), живущим по инерции прежних лет, и карьеристом-демагогом Прошным (С. Годзи) — это бой за торжество правды в нашей сегодняшней жизни. Как же такое может не волновать? Впрочем, могло бы, если бы герои оказались лишь условными обозначениями, а победа досталась им при помощи автора легко. В том и достоинство спектакля, что он населен людьми, характеры которых раскрываются в преодолении трудного.

Об этом спектакле можно сказать, что он обладает значительным коэффициентом полезного действия, немалой энергией душевного влияния на людей. Но, мне кажется, эта энергия была бы еще выше, если бы писатель и театр сохранили верность жизни во всем. Сейчас в напряженном сценическом действии есть просчеты.

Вся богатейшая, многогранная жизнь советских людей — перед глазами писателей и художников

театра. Все интересно, все заслуживает внимания и художественного изображения. Разумеется, самое интересное происходит на генеральных плацдармах борьбы за новое общество. Но порой в нашей критике словно бы устанавливается реестр, где перечисляется важное и неважное.

Недавно драматург Дм. Зорин писал в «Советской культуре»: «Да, на семейно-бытовую тему можно написать хорошее произведение. Но снимает ли это превосходство большой народной темы над малой, семейной, если даже последняя хорошо решена?».

Деление драматургии на «главное» и «неглавное» направления: на «народные» и «семейные» темы — неправильно по существу. У советского искусства есть одна главная дорога: она ведет ко все более тесному сближению с жизнью народа. Дело художника — где, в общении с кем, в какой момент жизни достигнет он современника.

И. С. Хрущев говорил: «Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа является целью жизни художника, если он живет интересами народа, его думами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства»...

Надо задуматься и о другом. О том, что искусство социалистического реализма представляет собой многообразие жанров, стилей и форм. Вот здесь мы должны с тревогой заметить, что открытое революцией героическое русло искусства стало словно бы затухать. Традиция Вс. Вишневского — это живая традиция, недаром его «Оптимистическая трагедия» явилась первым и пока единственным драматическим спектаклем, удостоенным Ленинской премии.

Словом, о многом надо подумать. Но только без нормативов и искусственных ограничений. Большая идея, правда, чувство времени, драматизм — вот что необходимо писателю и театру, не говоря о даре, таланте и высокой профессиональной технике. Эти свойства роднят художников и зрителей, рождают такие произведения, которые дают людям наслаждение, неотрывное от мысли и познания. Такие произведения возбуждают ту душевную активность зрителей, мера которой и определяет меру энергии и действительности театрального творчества. Ведь, пребывая в состоянии душевной активности, человек особенно восприимчив.

Недавно Виктор Розов заметил: «Мне бы очень хотелось, чтобы зритель после спектакля стал хоть немного лучше». В этом признании нащупываются единицы измерения коэффициента полезного действия искусства.

А. АНАСТАСЬЕВ.